

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

© 2013 г.

О. И. Фризен (Куринских), М. С. Шемаханская, Л. Т. Яблонский

ШЛЕМ ИЗ МОГИЛЬНИКА ФИЛИППОВКА 1

Статья посвящена находке уникального железного кованого шлема из могильника раннесарматской археологической культуры Филипповка 1 (Южное Приуралье). Шлем был найден во фрагментированном состоянии и позже был отреставрирован. Был произведен анализ формы шлема, технологии его изготовления и специфики конструкции, а также традиционный сравнительно-типологический анализ. Шлем датируется IV в. до н.э., как и другие находки из гробницы. Весьма вероятно, что он был изготовлен мастером, который находился в составе кочевой популяции, на заказ по аналогии с бронзовыми образцами.

Ключевые слова. Могильник Филипповка 1, ранние кочевники Южного Приуралья, предметы вооружения, защитный доспех, шлем, типология, хронология.

Могильник Филипповка 1 расположен в междуречье рек Урала и Илека, в 100 км к юго-западу от г. Оренбурга. Он состоял из 29 курганов (рис. 1). 17 из них были раскопаны в 1980-х годах уфимской экспедицией под руководством А.Х. Пшеничного. Затем раскопки здесь прекратились, и курганы стали подвергаться регулярному разграблению с применением землеройной техники. Лишь в 2004 г. удалось возобновить научные археологические раскопки на памятнике силами Приуральской экспедиции ИА РАН¹. С тех пор там было раскопано еще 12 курганов, и могильник был исследован полностью.

В погребениях под курганными насыпями было обнаружено много предметов вооружения, как наступательного так и оборонительного. Среди предметов защитного доспеха воина-кочевника следует особо обратить внимание на уникальную находку железного шлема в кургане 11. Он был предварительно опубликован

Фризен (Куринских) Ольга Ивановна – младший научный сотрудник сектора истории материальной культуры и древнего искусства народов Кавказа Государственного музея искусства народов Востока.

Шемаханская Марина Сергеевна – кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации.

Яблонский Леонид Теодорович – доктор исторических наук, заведующий отделом скифо-сарматской археологии Института археологии РАН.

¹ Яблонский 2007а-г; 2008а-г; 2009; Яблонский, Мещеряков 2007; 2008; Yablonsky 2007; 2010.

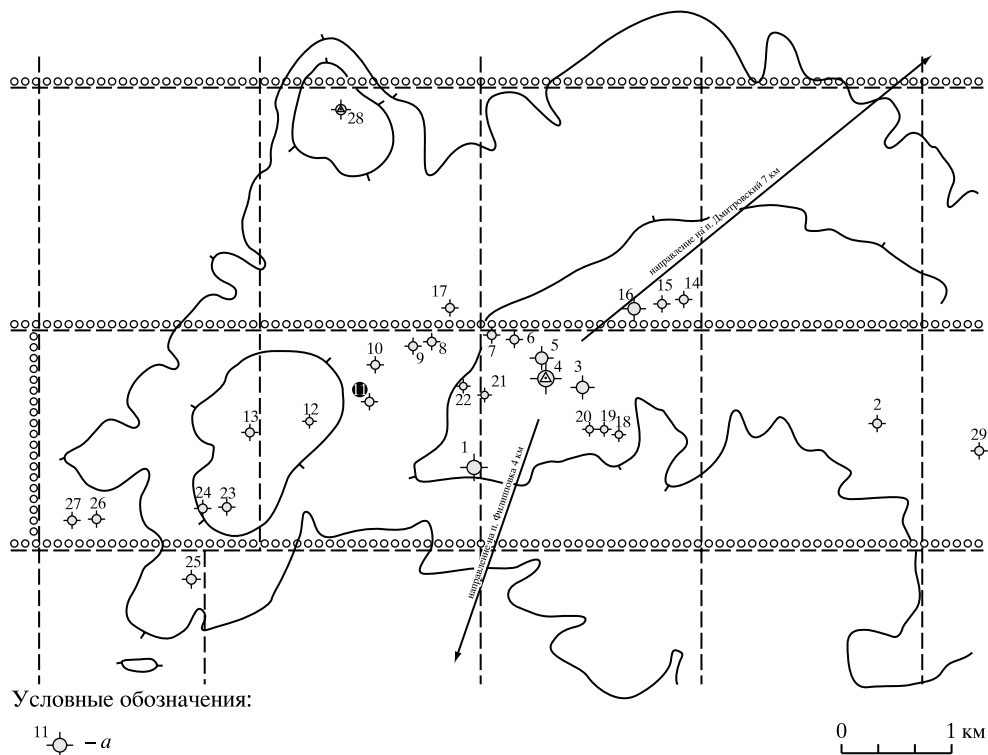

Рис. 1. Филипповка 1. План могильника. Инструментальная съемка Д.В. Мещерякова, 2004 г.
Сечение горизонталей 4 м. *a* – курганы с порядковым номером

автором раскопок Л.Т. Яблонским в соавторстве с И.В. Рукавишниковой в контексте, посвященном вооружению раннесарматского воина Филипповского могильника². При его описании были допущены неточности, поскольку шлем находился во фрагментарном состоянии и был реконструирован лишь графически. В 2012 г. он был отреставрирован³, что позволило получить полное представление о его истинной форме и размерах.

ОПИСАНИЕ КОНТЕКСТА НАХОДКИ

Курган 11 был расположен на пашне в западной части могильника (рис. 1). На поверхности погребенной почвы были выявлены подковообразный валик, располагавшийся вокруг погребальной камеры и бревна перекрытия могильной ямы (рис. 2).

По форме погребальная камера приближалась к прямоугольнику с размерами 670 × 530 см и глубиной 171 см от поверхности погребенной почвы. Длинной осью она была ориентирована широтно с небольшим отклонением (рис. 3).

С юга к камере примыкал вход-дромос, который спускался в направлении погребальной камеры четырьмя ступеньками. По форме в плане он приближался к вытянутой трапеции длиной по верхнему контуру 5 м. Ширина его в устье 280 см,

² Яблонский, Рукавишникова 2007, 16.

³ Реставрацию произвела М.С. Шемаханская.

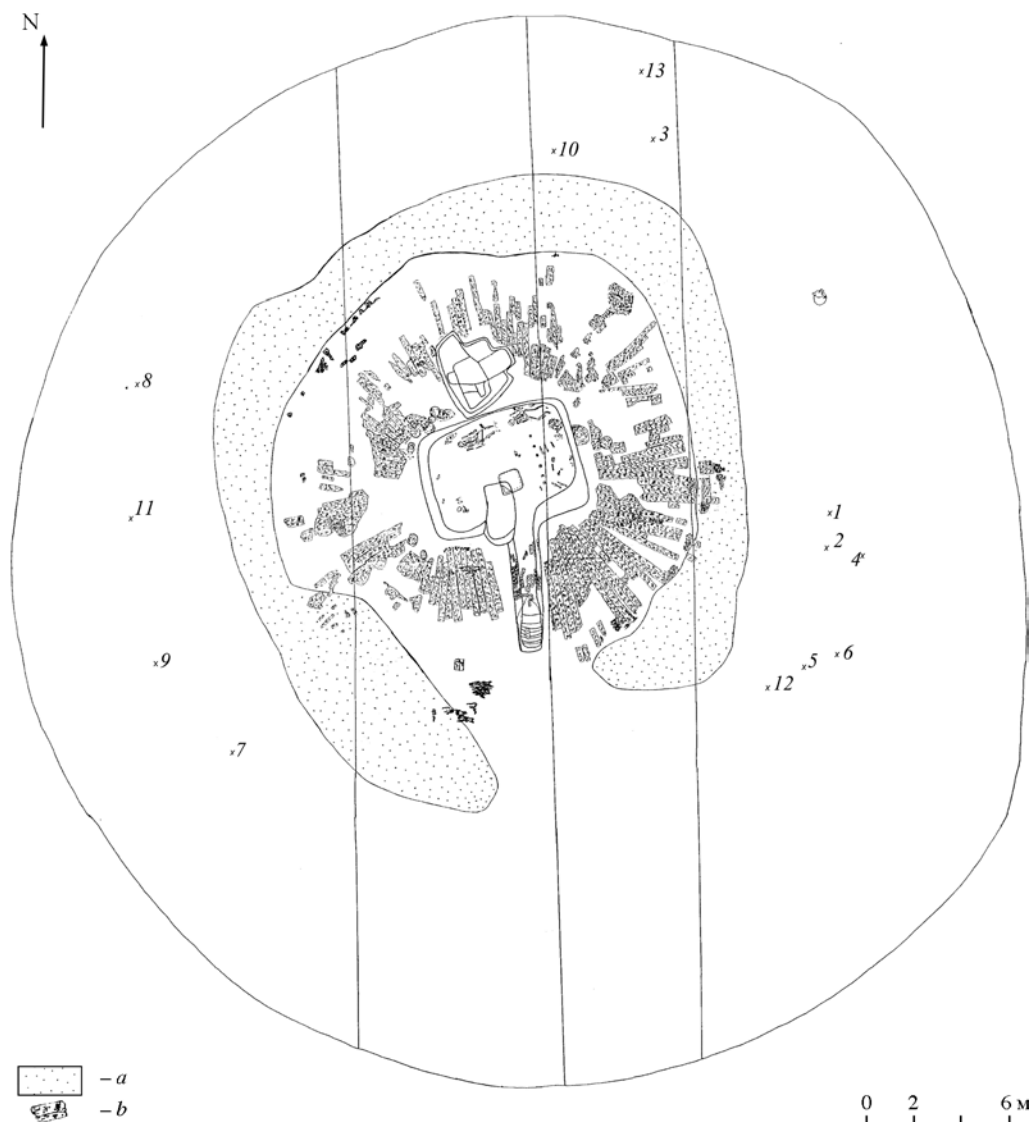

Рис. 2. Курган 11. Общий план. 1–2, 5–13 – отдельные кости лошади; 3 – зубы лошади; 4 – фрагмент черепа лошади; а – вал, б – деревянное перекрытие

ширина южной стенки 160 см. Боковые стенки дромоса прямые, гладкие, слабо наклонены к центральной оси, вдоль бортов прослеживается система бревен, которые его перекрывали. Они лежали в продольном направлении. Со временем бревна провалились в полость дромоса и к моменту раскопок наиболее плотные скопления бревен фиксировались у его бортов.

В центральной части погребальной камеры, напротив устья дромоса, располагался очаг-жертвенник. По форме очаг приближался к квадрату со сторонами 180×180 см, которые были направлены строго по сторонам света с небольшим отклонением, абсолютно соответствующим отклонению меридиональной оси могильной ямы. В профиль он имеет дуговидно-выпуклую форму. Общая высота 15 см. Очаг сделан из желтого материкового суглинка, перемешанного со светлой

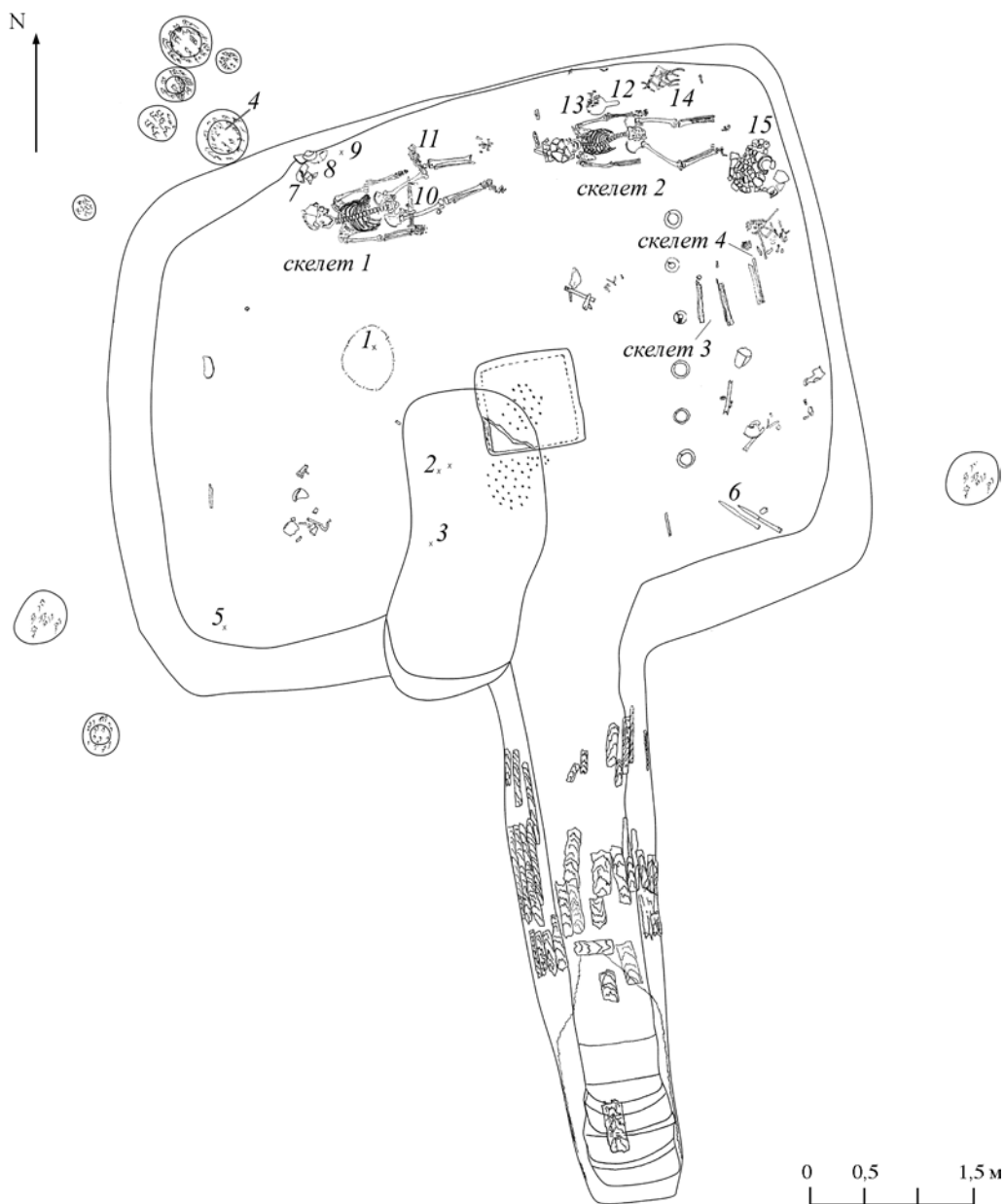

Рис. 3. Погребение 1. Находки в погребении: 1 – фрагменты стеклянной чаши; 2 – фрагменты бронзового сосуда; 3 – сосуд; 4 – жаровня; 5 – сосуд; 6 – наконечники копий; 7 – сосуд; 8 – шлем; 9 – подвеска; 10 – кинжал; 11 – наконечники стрел; 12 – зеркало; 13 – наконечники стрел; 14 – уздечный набор; 15 – кувшин

материковой и серой гумусированной супесью. Поверхность его была прокалена на глубину от 1 до 3 см.

Погребальная камера подвергалась неоднократным ограблениям. Наиболее масштабным стало древнее ограбление, которое разрушило, очевидно, большую часть захоронений, совершенных в камере. От сравнительно недавнего ограб-

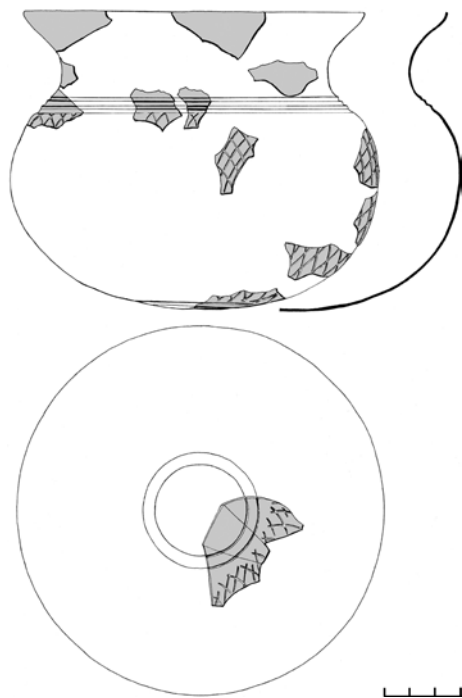

Рис. 4. Графическая реконструкция стеклянной чаши из погребения 1 кургана 11. Реконструкция О.И. Фризен (Куринских) (по: Трейстер, Яблонский 2012, рис. 1, 57)

IV в. до н.э.⁵ В заполнении ямы были найдены также фрагменты красноглиняного сосуда (рис. 5, 1).

Несмотря на неоднократные ограбления, в погребальной камере удалось расчистить четыре человеческих скелета различной степени сохранности и сопровождающий их инвентарь. Все они располагались под северной и восточной стенками погребальной камеры (рис. 3).

Обломки железного шлема были найдены возле скелета № 1. Он находился под северным бортом камеры, ближе к северо-западному ее углу, на расстоянии 45 см от северной стенки погребальной камеры. Костяк принадлежал мужчине, который умер в возрасте 30–35 лет⁶. Погребенный лежал на спине головой на запад. Череп его сильно фрагментирован, поэтому его лицевая часть не реконструируется. Руки погребенного были вытянуты вдоль тела, правая нога вытянута, левая согнута в колене, стопы ног широко разведены. Между черепом погребенного и северным бортом камеры были найдены фрагменты кругового красноглиняного сосуда, обломки железного шлема и обрывок золотой подвески.

Сосуд круговой красноглиняный, с оранжевым ангобом, горшковидной формы, плоскодонный. Тулово яйцевидной формы, вытянутых пропорций, горло низкое, плавно профилированное, венчик плавно отогнут. Стенки тонкие, на изломе жел-

ления в заполнении погребальной камеры сохранилось скопление вещей, брошенных грабителями. Среди них кость лошади, осколки стеклянного сосуда, фрагменты костяного предмета и стеклянной бусины.

Стеклянный сосуд, сохранившийся во фрагментах, был реконструирован графически (рис. 4). Как оказалось, это чаша (фиала) была изготовлена из прозрачного, почти бесцветного, с зеленоватым оттенком, стекла⁴. Форма ее чашевидная с профилированным плечом, низким горлом, выпуклым дном и широким открытым устьем, стенки орнаментированы сетчатым резным орнаментом. По плечу проходят пять узких горизонтальных резных каннелюр. Две аналогичные каннелюры окантовывают дно. Высота сосуда не более 10 см, диаметр дна 5 см, диаметр венчика 9–10 см. На донце — гравированный циркульный орнамент, на тулове — сетка ромбовидного орнамента, на плечиках — орнамент из пяти горизонтальных concentрических канавок. Чаша, вероятно, была произведена в одной из малоазийских мастерских и может датироваться в пределах

⁴ Графическая реконструкция сосуда выполнена О.И. Фризен.

⁵ Трейстер 2012, 111–112.

⁶ Определение Л.Т. Яблонского.

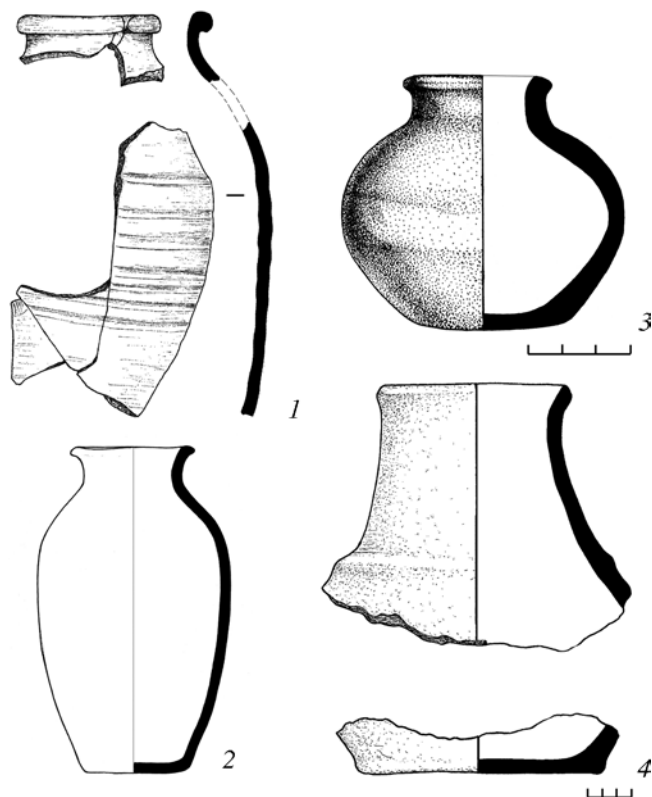

Рис. 5. Керамика из погребения 1 кургана 11 (по: Трейстер, Яблонский 2012, рис. II, 95)

товатого цвета. Высота сосуда 22 см, высота горла 2 см, диаметр тулова 13 см, диаметр дна 7 см, диаметр горла 6,5 см, диаметр венчика 8,4 см (рис. 5, 2). С.Б. Болелов полагает, что сосуды такой формы встречаются только в комплексах второй половины V в. до н.э. в Хорезме и имеют аналогии в комплексе керамики ахеменидского времени в Персеполе⁷.

Золотая подвеска представляет собой овальную пластинку из тонкой золотой фольги с колечком и двухзвенной цепочкой для подвешивания. На пластинку напаян треугольник из зерни. Очевидно, она являлась частью более крупного ювелирного украшения. Размеры пластинки 0,7 × 0,9 см, длина с цепочкой 1,6 см (рис. 6, 2).

Поперек бедер погребенного, под небольшим углом к ним лежал железный кинжал. Его рукоять располагалась у кисти правой руки, а острием он был направлен в сторону северной стенки камеры.

Кинжал (рис. 7, 2) железный с прямым навершием, имеющим Г-образно загнутые вверх окончания (концы отломлены), и сломанным под тупым углом перекрестьем, близким к так называемым «бабочковидным» перекрестьям, когда нижние углы концов перекрестья закруглены. Рукоять брусковидная со сквозной продольной прорезью (двутапровая). В верхней части рукояти, у навершия, уступом выделена узкая манжета. Клинок обоюдоострый, треугольный, с ребром жесткости, в сечении ромбический. Общая длина 44,3 см, длина клинка 34 см, ши-

⁷ Болелов 2012, 213.

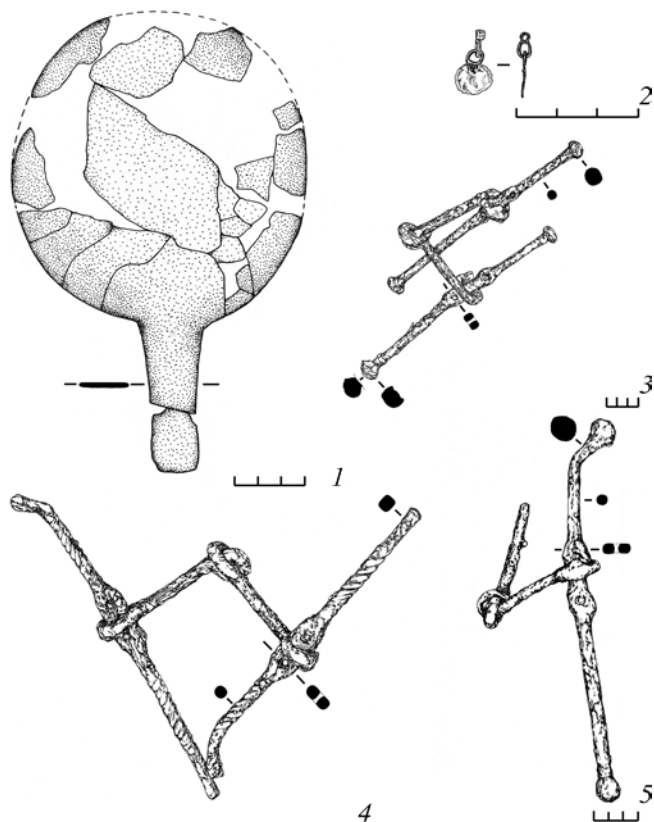

Рис. 6. Другие находки: 1 – зеркало; 2 – подвеска; 3–5 – уздечные наборы (по: Трейстер, Яблонский 2012, II, 96)

рина клинка у перекрестья 3,4 см, ширина рукояти 2 см. Типологически кинжал относится к так называемым мечам «переходного типа» и может датироваться концом V – IV в. до н.э.

У средней части клинка кинжала была найдена темлячная подвеска, сделанная из зуба животного. В верхней ее части просверлено отверстие диаметром 0,3 см. На острие кинжала лежал железный двухлопастной крюк, вероятно, колчанный. Он сделан из круглого в сечении стержня размером $2 \times 1,5$ см (рис. 7, 3).

У левого колена погребенного, с внешней его стороны, находилось скопление наконечников стрел, которые лежали в колчане (180 шт.) остриями в направлении стоп в четыре–пять слоев. Под ними фиксировались остатки кожи от колчана. Наконечники стрел бронзовые, втульчатые, с головками сводчатой и треугольной форм различных пропорций (рис. 7, 4). Среди них выделяются следующие типы:

трехгранные с выступающей втулкой (41 шт.), длина 2,3–4,6 см (рис. 7, 4 ж);

трехгранные с выступающей втулкой с выемками на гранях (3 шт.), длина 3,1–5 см (рис. 7, 4 е);

трехгранные с выступающей втулкой с листовидной и ромбической в плане головкой (4 шт.), длина 3–3,5 см (рис. 7, 4 а);

трехгранные треугольные со скрытой втулкой (11 шт.), длина 2,4–2,8 см (рис. 7, 4 з);

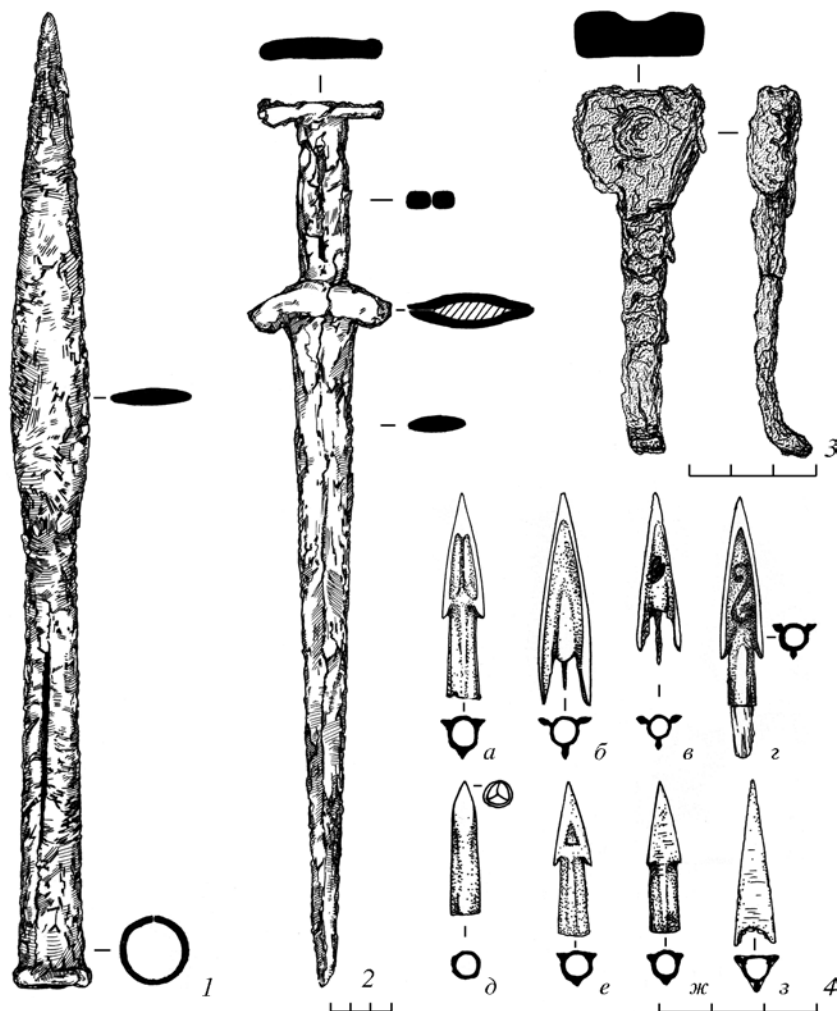

Рис. 7. Предметы вооружения из погребения 1 кургана 11: 1 – наконечник копья; 2 – кинжал; 3 – крюк колчанный; 4 а–з – наконечники стрел (по: Трейстер, Яблонский 2012, II, 94)

трехлопастные со сводчатой или треугольной головкой с выступающей втулкой (78 шт.), длина 2,4–4,9 см;

трехлопастные со сводчатой или треугольной головкой с выступающей втулкой, с тамбообразными рельефными знаками между лопастями в виде зеркального изображения S (2 шт.), длина 3,5–3,7 см (рис. 7, 4 з);

трехлопастные с выступающей втулкой с миниатюрной треугольной головкой (10 шт.), длина 1,9–3,3 см;

трехлопастные со сводчатой и треугольной головкой со скрытой втулкой (26 шт.), длина 2,4–4 см (рис. 7, 4 б–в);

пулевидные с коническим, трех и четырехгранным бойком (4 шт.), длина 2,2–4,6 см;

башневидные втульчатые трехгранные (1 шт.), длина 3,1 см (рис. 7, 4 д).

Подобный набор наконечников стрел может датироваться в пределах IV в. до н.э.

Датировка прочих предметов сопровождающего инвентаря из погребения 1 (рис. 5–7) кургана 11 не противоречит общей датировке могильника в пределах конца V – третьей четверти IV в. до н.э.⁸

ОПИСАНИЕ ШЛЕМА

Место находки: могильник Филипповка 1, курган 11, погребение 1, скелет 1.

Хранение: Оренбург, ОРОМ, инв. № 18921/15.

Дата: IV в. до н.э.; см. Яблонский, Рукавишникова 2007, 16.

Описание формы и размеров (рис. 8, 9, 11, 1).

Шлем состоит из каски и двух подвижных нащечников-наушей (рис. 8–9). Каска состоит из двух несимметричных частей, вдоль сагиттального сечения шов образует тупой угол и смещается на затылке вправо относительно оси примерно на 5 см (рис. 9, 2; 11, 1). Форма каски в профиль приближается к полусферической с некоторым уплощением в теменной области (рис. 9, 3–4). В фас ее форма в верхней половине является подтреугольной с округлой вершиной, боковые стороны нижней части до среза опускаются почти вертикально (рис. 9, 1–2). Общая глубина каски 16 см. Затылочная часть немного выступает назад, лобная – опускается

Рис. 8. Шлем из Филипповки. Фото. Общие виды. Фото М.С. Шемаханской

полого. Лицевая часть имеет надглазные дуги, которые, соединяясь по центру, образуют треугольный выступ-наносник. Продольный диаметр на уровне надглазных вырезов 28 см; поперечный 24 см. Край каски по бокам и на затылке образует ровный срез. По бокам расположены шарнирные петли, на которых крепятся подвижные нащечники (рис. 11, 3–4). Всего петель семь: четыре из них спускаются с каски шлема, между которыми расположены три петли от нащечников. Общая протяженность шарнирного крепления справа 15 см, слева 15,5 см. Петли, принадлежащие куполу шлема, немного длиннее (от 2 до 2,5 см), чем петли, отходящие от нащечников (1,5–1,7 см). В петли продета проволока (стержень) диаметром 0,4 см.

⁸ Трейстер, Яблонский 2012, 284.

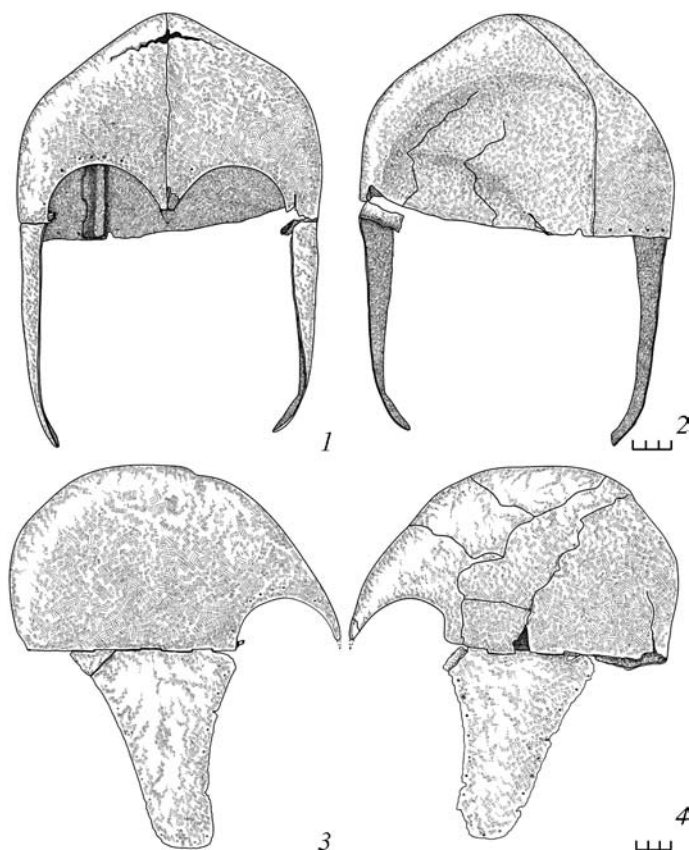

Рис. 9. Шлем из Филипповки. Общие виды. Рисунок О.И. Фризен (Куринских)

Нащечники-науши имеют форму неправильной трапеции с вогнутыми длинными сторонами, благодаря чему ближний к лицу край плавно продолжает линию надглазных дуг и нащечники в сомкнутом положении составляют общий с надглазниками и наносником лицевой вырез. Нижние края нащечников слегка скругленные. Нащечники были подогнуты внутрь, примерно в четвертой части снизу, видимо, для удобства завязывания их под подбородком. Размеры нащечников: левый – длина 18,5 см, ширина в месте крепления 15 см, ширина нижнего края 4 см, толщина листа 0,15 см; правый – длина 19 см, ширина в месте крепления 15 см, ширина нижнего края ок. 4 см (не достает фрагмента), толщина листа 0,15 см. По всему периметру шлема, включая нащечники, имеются отверстия для крепления (пришивания) подшлемника. Ширина шага между отверстиями неодинакова и составляет от 1,3 до 2,5 см. Диаметр отверстий ок. 0,1–0,12 см. Линия отверстий проходит на расстоянии 0,5 см от края. У шлема отсутствует металлический назатыльник.

ОПИСАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ИЗГОТОВЛЕНИЯ, ВЫЯВЛЕННЫХ В ПРОЦЕССЕ РЕСТАВРАЦИИ

Шлем изготовлен ковкой из железного листа. Купол шлема состоит из двух несимметричных частей, вырубленных из листа и соединенных встык по ребру с внутренней стороны накладной железной кованой полосой с неровными краями

с помощью заклепок, обработанных с лицевой стороны «втай» (рис. 10, 2; 11, 2). На внутренней стороне накладной полосы на затылочной части от заклепок сохранились отверстия (рис. 10, 5). Крой железного листа предусматривал образование как бы «вытачки», позволявшей обрисовать затылочную часть, однако смещал затылочный шов относительно центрального ребра. На затылочной части имеется деформация, возможно, от удара.

Утраты металла на наноснике вынудили сделать реконструкцию центральной лицевой части (рис. 10, 1). Сохранился фрагмент окончания наносника, на котором видна накладная полоса с внутренней поверхности и трещина по лицевой стороне ребра (рис. 10, 6). Завершение наносника, на котором располагался фрагмент, определялось пересечением дуговидного выреза и линии центрального лицевого ребра.

Нашечники крепились к куполу шлема посредством семи шарнирных петель. Петли были вырезаны непосредственно из листов металла, относящихся к куполу и нашечникам, затем они загибались ковкой (рис. 10, 3). Крайними были петли, идущие от купола. Через петли продета кованая железная проволока. Крайняя петля и соединяющая шарниры проволока выступают за линию нашечника (рис. 10, 4).

Отверстия для пришивания подшлемника сделаны сверлением. Некоторые отверстия не выявились при механической очистке из-за твердости и плотности

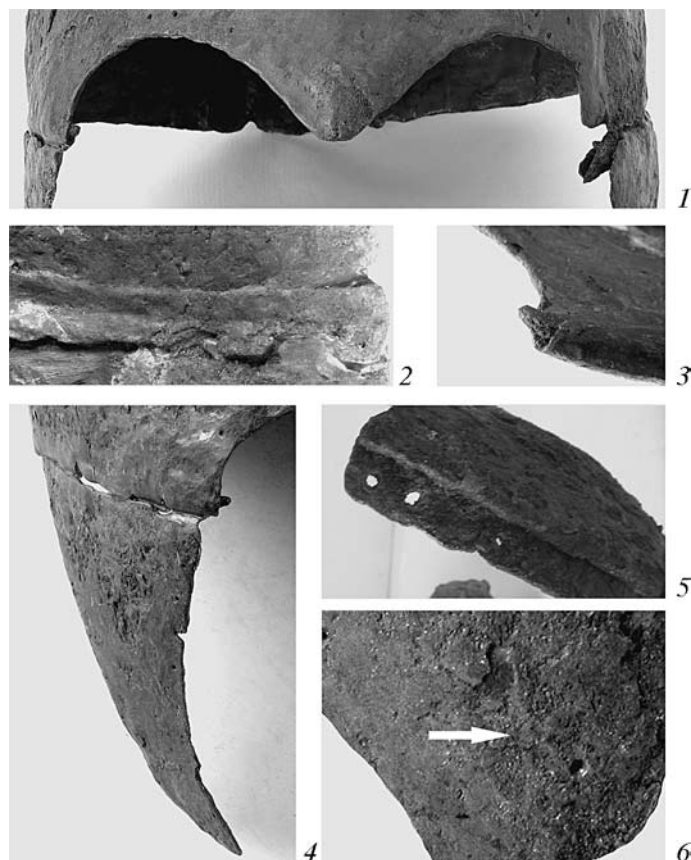

Рис. 10. Шлем из Филипповки. Фото. Детали. Фото М.С. Шемаханской

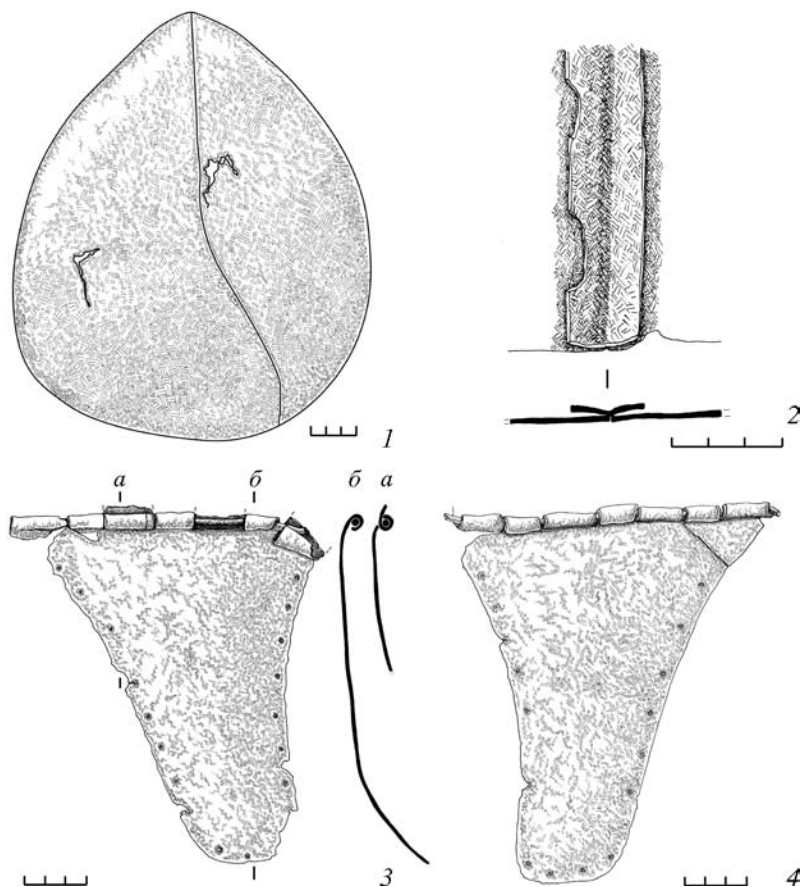

Рис. 11. Шлем из Филипповки. Детали. Рисунок О.И. Фризен (Куринских)

продуктов коррозии. Характерно, что на нижней части нащечников нет отверстия или петли для крепления завязок. Шлем сделан из железа путемковки, вырубкки, клепки и сверления отверстий, а такжековки проволоки.

При реставрации выявлены коррозия металла, небольшие вмятины, а в затылочной части – от удара, трещины с разрывами металла. Утраченные фрагменты каски и нащечников большей частью восстановлены при реставрации.

АНАЛИЗ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И АНАЛОГИИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ

Общая форма шлема напоминает греческие бронзовые шлемы, обнаруженные в окрестностях Эшерского городища в Абхазии, которые авторы публикации отнесли к группе халкидских открытых неглубоких шлемов, так же известных, как аттические, поскольку именно они изображались в аттической вазописи⁹. Эшерские наголовья В.Р. Эрлих и А.И. Джопуа относят к типу V по Пфлугу¹⁰. Такие шлемы имеют съемные и подвижные нащечники и укороченный наносник. Нащечники

⁹ Эрлих, Джопуа 2008, 49–53.

¹⁰ Pflug 1988, 138, Abb. 2.

крепились на шарнирах и при желании могли подниматься. Авторы предполагают, что рассматриваемые ими шлемы относятся к некоей особой группе греческих шлемов, связанных с ранними халкидскими. Они имели подвижные нащечники-науши, очевидно, нашитые на какую-то мягкую подкладку при помощи отверстий и скрепленные с оголовьем, полностью прикрывающие не только щеки, но и уши воина. Подобные шлемы появляются в аттической вазописи с третьей четверти VI в. до н.э. Однако серия эшерских шлемов, как и наш экземпляр, отличается от халкидских формой самого нащечника и отсутствием выреза для уха. На основании сравнения шлемов, изображенных в греческой скульптуре, и анализа контекста находок, В.Р. Эрлих и А.И. Джопуа предлагают датировать серию доспехов серединой VI – первой половиной V в. до н.э.¹¹

В то же время необходимо отметить отличие нашего шлема от эшерских, которое заключается в отсутствии металлического назатыльника. В Северном Причерноморье существует серия скифских «переделанных» шлемов, у которых удалялись нащечники-науши и назатыльники и пробивались отверстия для крепления чешуйчатой бармицы¹². Косвенным свидетельством в пользу применения бармицы является наличие на ряде «переделанных» шлемов специальных мелких отверстий для крепления подкладки и особо крупных – для крепления пластинчатого набора¹³. На нашем экземпляре, во-первых, присутствуют нащечники-науши в первозданном виде, а во-вторых, отверстия на затылочной части не отличаются по размеру от остальных. Это свидетельствует, что они были сделаны только для пришивания мягкого подшлемника, а не тяжелой чешуйчатой бармицы.

Лицевая часть филипповского шлема напоминает шлем, который был найден возле поселка Мезмай Краснодарского края¹⁴. Шлем бронзовый, сделан из двух половинок и склепан через валики вдоль «сагиттального сечения». Данный шлем также имеет металлический назатыльник. Поверхность шлема украшена прочеканенным геометрическим орнаментом. Там же был найден еще один шлем, но уже без металлического назатыльника, с прочеканенными завитыми рогами¹⁵. Этот шлем, в свою очередь, почти идентичен шлему из стан. Даховской¹⁶. Оба шлема имеют фигурные нащечники-науши. По технологии изготовления и орнаменту авторы относят их к группе местных шлемов, происходящих с территории Закубанья из комплексов III–I вв. до н.э. Все они считаются изделиями местных мастеров, которые копировали античные образцы¹⁷, поскольку ни технология изготовления (клепка из двух половинок), ни куполообразная форма не характерна для античного мира. Подобная местная традиция, вероятно, возникла под влиянием знакомства населения Закубанья с античными шлемами, предположительно в IV в. до н.э.¹⁸

Помимо западных аналогий форма нашего шлема была распространена и к востоку от территории степных кочевников, в частности на Алтае, а также к югу – в Средней Азии. Известна случайная находка бронзового литого шлема раннескифского типа в горах Алтая. М.П. Грязнов относит его к памятникам ранних кочевников

¹¹ Эрлих, Джопуа 2008, 51–52.

¹² Сударев 1990, 107–108.

¹³ Черненко 1968, 94–95.

¹⁴ Шевченко и др. 2011, 124, рис. 7, 1.

¹⁵ Шевченко и др. 2011, 124, рис. 7, 3.

¹⁶ Рабинович 1941, табл. X.

¹⁷ Шевченко и др. 2011, 143.

¹⁸ Эрлих 1996, 177, 179.

майэмирского этапа, т.е. к VII–V вв. до н.э.¹⁹ Как считает М.В. Горелик, его форма похожа на шлемы, изображенные на ахеменидских печатях, но отличие их от ахеменидских шлемов заключается в технологии изготовления, что дает основание исследователю называть этот шлем сакской копией персидского шлема-каска²⁰. Лицевая часть и форма купола близки филипповскому экземпляру. По нижнему срезу алтайского шлема также проделаны отверстия для подшивания подшлемника или подвешивания дополнительной защиты для шеи (бармицы).

Широко известен еще один бронзовый литой шлем из Самарканда²¹. Б.З. Рабинович отнес его к так называемым «кубанским» шлемам, выделенным им по месту известных тогда находок²². Шлем этот имеет горшковидную форму, затылочная часть опускается почти вертикально, передняя – более отлого, спереди есть вырез для лица. Кроме того, шлем имел гребень, а также отверстия по нижнему краю, которые служили, как предполагает автор, для прикрепления кожаных или войлочных нащечников и оплечья. Е.Е. Кузьмина согласилась с датировкой Б.З. Рабиновича всей группы так называемых кубанских шлемов VI в. до н.э. При этом она оговорила, что если в Прикубанье архаические скифские шлемы были полностью вытеснены и заменены греческими уже с начала V в. до н.э., то в Средней Азии оружие, в том числе и защитное, еще долго оставалось архаическим и делалось в основном из бронзы. Поэтому исследовательница отнесла самаркандский шлем к раннесакскому периоду (VI–V вв. до н.э.) и предположила его среднеазиатское происхождение²³. Другие исследователи также пришли к выводу, что ареал этих шлемов значительно шире, чем территория Кубани и даже Причерноморья, где время распространения их не выходит за рамки VI в. до н.э., тогда как в Средней Азии шлемы подобного типа существовали вплоть до конца I тыс. до н.э.²⁴ Как полагают Л.К. Галанина и М.В. Горелик, формирование среднеазиатского варианта происходило под влиянием скифских образцов, которые, в свою очередь, восходят к защитным наголовьям Северо-Западного Ирана и Урарту второй половины II – начала I тыс. до н.э.²⁵ Б.А. Литвинский предположил, что какие-то варианты этого типа или близких ему ахеменидско-иранских шлемов были распространены и в Бактрии в VI–IV вв. до н.э.²⁶

Что касается шарнирного крепления, использованного для подвешивания нащечников, то оно широко применялось в греческом мире в классическое и эллинистическое время. Обычно при шарнирном соединении нащечник подвешивался на двух–трехчастном шарнире, причем к шлему прилепывалась изнутри пластинка, нижний конец ее представлял собой трубку с вырезами, в которые входили трубки-выступы от нащечников; в других случаях трубчатые выступы делались в основании шлема²⁷.

Необходимо подчеркнуть, что большая часть аналогичных по форме шлемов, происходящих с соседних с Южным Приуральем территорий, в основном выполнена из бронзы, к тому же ранние образцы чаще литые. Экземпляры, изготовлен-

¹⁹ Грязнов 1947, 13, рис. 5, II.

²⁰ Горелик 1993, 170, табл. LXII, 41.

²¹ Кузьмина 1958, 120–126.

²² Рабинович 1941, 105–135.

²³ Кузьмина 1958, 124.

²⁴ Черненко 1968, 81; Горелик 1993, 170; Членова 1993, 62–63.

²⁵ Галанина 1985, 169–175; Горелик 1993, 168.

²⁶ Литвинский 2001, 362.

²⁷ Литвинский 2001, 349–350.

ные в производственных центрах, имеют определенные стандарты в технологии и оформлении защитных наголовий.

Хотелось бы особо обратить внимание на размеры филипповского шлема. Наибольший поперечный диаметр шлема составляет 240 мм, продольный – 280 мм; если же подсчитать процентное соотношение поперечного и продольного диаметра, то получается 85,7 см. Если данную цифру сопоставить с данными краниометрических констант (8:1 – Черепной указатель²⁸), она попадает в категорию очень больших величин, что встречается довольно редко. Судя по его значительным размерам, подшлемник должен был быть очень толстый, многослойный, вероятно, проложен упругой массой, как у парадного шлема из гробницы Мескаламдуга в «царском» некрополе Ура, выполненного ковкой из толстого листового золота²⁹.

Но в древности не только золото было ценным металлом. В середине I тыс. до н.э. изделия из железа представляли большую редкость, особенно в производстве вооружения, поскольку этот металл был более прочным, по сравнению с бронзой, и обрабатывался сложнее. В это время защитные доспехи рядовых воинов продолжали изготавливать из бронзы или из других материалов, или в виде наборных чешуйчатых доспехов на кожаной основе. Цельные же доспехи, выполненные из железа, были редкостью. Железные шлемы в рассматриваемое время также встречаются очень редко. В самой Греции они появляются не раньше IV в. до н.э. В конце IV – III в. до н.э. защитное вооружение из железа являлось скорее роскошью и имелось у монархов и высокопоставленных военачальников. Так, Плутарх упоминает железный шлем Александра Великого: «Железный шлем Александра работы Феофила блестел так, словно он был из чистого серебра»³⁰. Шлем из железа был найден и в царском захоронении в Вергине, в так называемой гробнице Филиппа II. Это был первый найденный македонский шлем³¹.

На территории Северного Причерноморья после VI в. до н.э., когда перестают использовать литые каски, появляются скифские железные чешуйчатые шлемы на кожаной основе³². Цельный железный шлем (состоящий из двух половинок) с серебряными нащечниками известен по находкам из гробницы на Карантинном шоссе близ Керчи. Предположительно он был изготовлен на острове Мелос и датируется серединой – второй половиной IV в. до н.э.³³ В свое время Б.З. Рабинович ошибочно называл его шлемом «фракийского» типа³⁴, к которому относил шлемы, не имеющие, на самом деле, к Фракии никакого отношения³⁵. Потом подобные шлемы стали называть «псевдоаттическими»³⁶. Среди подъемного материала, обнаруженного возле уже упомянутого поселка Мезмай, упоминаются фрагменты железного шлема с бронзовым покрытием и посеребрением, представлявшего собой подвижную антропоморфную маску в виде рельефного уха и части «наушника». Мезмайский шлем относят к «псевдоаттическим» кавалерийским шлемам, которые датируются I – началом III в. н.э.³⁷

²⁸ Алексеев, Дебец 1964, 117.

²⁹ Горелик 1993, 156.

³⁰ Плутарх 1994, 32.

³¹ Andronicos 1979; Waurick 1988, 176–177.

³² Горелик 1993, 173.

³³ Виноградов 1997, 73–74, рис. 1, 3.

³⁴ Рабинович 1941, 149.

³⁵ Горелик 1983, 25.

³⁶ Симоненко 2010, 133–134.

³⁷ Шевченко и др. 2011, 136–137, 144.

Таким образом, приведенные примеры показывают, что железные шлемы в раннеэллинистическое время, как правило, принадлежали воинам высокого ранга и потому были редкостью. Дополнительное их украшение драгоценными металлами подчеркивало принадлежность к парадному доспеху.

Форма и особенности изготовления шлема из Филипповки дает нам основание полагать, что это пока единственный дошедший до нас экземпляр железного кованого шлема, совмещающего форму, характерную для «кубанских» типов скифского наголовья, и заимствованные элементы аттических типов (подвижные нащечники)³⁸. В отличие от большинства шлемов подобного рода, распространенных в позднее классическое и раннее эллинистическое время и изготовленных из бронзы, шлем из Филипповки сделан из железа по технологииковки с применением заклепок для скрепления двух половинок. В отличие от склепанных кованых бронзовых шлемов, изготовленных в Северном Причерноморье, половинки каски филипповского шлема соединялись встык, а не накладывались друг на друга. При этом использовалась дополнительная полоса металла с внутренней стороны, которая и приклепывалась к краям обеих половинок.

Представляется, что филипповский шлем изначально предполагал (исходя из размеров) использование довольно толстого подшлемника, края которого выступали за границы металла для того, чтобы обеспечить устойчивое положение шлема на голове и служить дополнительной амортизацией при ударе. Все дополнительные элементы защиты (бармица?) и фиксации (завязки на нащечниках-наушах?), если и существовали, то, скорее всего, пришивались непосредственно к подшлемнику.

Судя по материалу и особенностям изготовления (железный, довольно грубо выполненный, без каких-либо украшений, примитивное шарнирное крепление), данный шлем был сделан «кустарным» способом на заказ для воина-кочевника, занимавшего высокое положение в обществе. Несмотря на отсутствие богатого убранства, не исключено, что его использовали в качестве составляющего звена парадного доспеха представителя местной военной верхушки.

Филипповский шлем не имеет прямых аналогий ни в одном из известных очагов цивилизаций востока и запада и представляет собой изделие местного мастера, выполненного на основе и в подражание известным образцам греческого доспеха (прежде всего, халкидскому типу шлемов), широко распространенным в раннеэллинистическое время. Исходя из того, что шлемы, выполненные из железа, появляются в античном мире не раньше IV в. до н.э., не исключено, что данный шлем не может быть датирован ранее этого периода. Предложенная датировка соответствует общему хронологическому контексту кургана 11 и могильника Филипповка 1 в целом.

Литература

1. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. 1964: Краниометрия. М.
2. Болелов С.Б. 2012: Среднеазиатская керамика в памятниках кочевников Южного Приуралья // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.) / М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский (ред.). I. М., 208–219.
3. Виноградов Ю.А. 1997: О погребении воина у Карантинного шоссе под Керчью // *Stratum + ПАВ*. СПб. – Кишинев, 73–80.

³⁸ Авторы выражают благодарность за помощь в атрибуции филипповского шлема и устную консультацию PhD С. Чандрасекаран / Dr S. Chandrasekaran DPhil Archaeology, University of Oxford.

4. Галанина Л.К. 1985: Шлемы кубанского типа (вопросы хронологии и происхождения) // Культурное наследие Востока. Л.
5. Горелік М.В. 1983: Про «фракійські» шоломи // Археологія. 44, 14–29.
6. Горелик М.В. 1993: Оружие древнего Востока. IV тысячелетие – IV век до н.э. М.
7. Грязнов М.П. 1947: Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. 18, 9–17.
8. Кузьмина Е.Е. 1958: Бронзовый шлем из Самарканда // СА. 4, 120–126.
9. Литвинский Б.А. 2001: Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.
10. Плутарх 1994: Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2. Александр и Цезарь, 32 / С.С. Аверинцев (ред.). М.
11. Рабинович Б.З. 1941: Шлемы скифского периода // Тр. ОИПК ГЭ. I, 99–171.
12. Симоненко А.В. 2010: Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.
13. Сударев Н.И. 1990: К вопросу об античных шлемах, подвергшихся переделке // Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ / А.П. Абрамов, И.О. Гавритухин (ред.). М., 99–109.
14. Трейстер М.Ю. 2012: Стекланные сосуды ахеменидского круга из Южного Приуралья // Влияния ахеменидской культуры... I, 106–113.
15. Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. 2012: К вопросу об абсолютной дате могильника Филипповка 1 // Влияния ахеменидской культуры... I, 282–284.
16. Черненко Е.В. 1968: Скифский доспех. Киев.
17. Членова Н.Л. 1993: О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «скифского мира» // ПАВ. 7, 49–76.
18. Шевченко Н.Ф., Зайцев Ю.П., Мордовинцева В.И. 2011: Княжеское погребение эллинистического времени в могильнике Мезмай (Северо-Западный Кавказ) // ВДИ. 1, 115–152.
19. Эрлих В.Р. 1996: Об одной серии шлемов из Закубанья // РА. 3, 176–179.
20. Эрлих В.Р., Джонс А.И. 2008: Об одном типе греческих шлемов из Центральной Абхазии // РА. 2, 49–53.
21. Яблонский Л.Т. 2005: Отчет о раскопках курганного могильника Филипповка 1 в 2005 году. Архив ИА РАН. Р-1, № 26705. М.
22. Яблонский Л.Т. 2007а: Сокровища сарматского кургана // Природа. 8, 59–62.
23. Яблонский Л.Т. 2007б: Кургan сарматских вождов в Южном Приуралье // National Geographic. Апрель, 122–135.
24. Яблонский Л.Т. 2007в: Что искали грабители? // Наследие народов Российской федерации. 1, 7–12.
25. Яблонский Л.Т. 2007г: Второй царский курган Филипповского могильника и проблема формирования раннесарматской культуры Южного Приуралья // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции / А.Я. Труфанов (ред.). Екатеринбург–Сургут, 216–217.
26. Яблонский Л.Т. 2008а: Коллекция из Филипповского могильника (раскопки 2004–2007 гг.) // Сокровища сарматских вождов (Материалы раскопок Филипповских курганов) / Л.Т. Яблонский (ред.). Оренбург, 41–77.
27. Яблонский Л.Т. 2008б: Новые раскопки Филипповского могильника и проблема формирования раннесарматской культуры Южного Приуралья // Ранние кочевники Волго-Уральского региона / Л.Т. Яблонский (ред.). Оренбург, 170–176.
28. Яблонский Л.Т. 2008в: Новейшие открытия в области сарматской археологии // Вестник истории, литературы, искусства / Г.М. Бонгард-Левин (ред.). М., 24–39.
29. Яблонский Л.Т. 2008г: Новые раскопки Филипповского I могильника // Археология Восточно-Европейской степи / В.А. Лопатин (ред.). Саратов, 253–268.
30. Яблонский Л.Т. 2009: Новые сенсационные находки в Филипповке (к дискуссионным вопросам о хронологии памятника, особенностях его погребального обряда и типологии) // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский, Г.Р. Руденко (ред.). Елабуга, 150–158.
31. Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В. 2007: Раскопки «царского» кургана в Филипповке (предварительное сообщение) // РА. 2, 55–62.
32. Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В. 2008: Новые открытия в Филипповке // КСИА. 222, 55–61.
33. Яблонский Л.Т., Рукавишников И.В. 2007: Вооружение раннесарматского воина (по материалам Филипповского – I могильника) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология / Л.Т. Яблонский, А.Д. Таиров (ред.). Челябинск, 16–23.

34. *Andronicos M.* 1979: The Finds from the Royal Tombs at Vergina // *Proceedings of the British Academy*, 355–367.
35. *Pflug H.* 1988: Chalkidische Helme // *Antike Helme (RGZM Monographien. Bd 14)*. Mainz, 137–150.
36. *Waurick G.* 1988: Helme der Hellenistischen Zeit und ihre Vorläufer // *Antike Helme (RGZM Monographien. Bd 14)*. Mainz, 151–180.
37. *Yablonsky L.T.* 2007: Excavations of a “Royal” Barrow-Grave in the Southern Ural // *Folia Archaeologica. LIII* (Fodor Istvan – Ed.). Magyar Nemzeti Múzeum. Budapest, 85–100.
38. *Yablonsky L.T.* 2010: New Excavations of the Early Nomadic Burial Ground at Filippovka. Southern Ural Region, Russia // *AJA*. 114, 129–143.

A HELMET FROM THE BARROW-GROUND FILIPPOVKA 1

O. I. Frizen (Kurinskikh), M. S. Shemakhanskaya, L. T. Yablonsky

A unique iron hammered helmet was found in the barrow-ground belonging to the Early-Sarmatian archaeological culture Filippovka 1 (South Urals). The helmet was found in a fragmentary state and later was restored. Analysis of the form, technology and construction was made. After comparison with other finds the helmet was dated to the 4th century BC, as well as the other finds from the burial ground. It is most probable that the helmet was made by a master who was a member of the nomadic population and worked on order reproducing bronze models.

Keywords: barrow-ground Filippovka 1, early nomads of the foothills of South Urals, ancient weapons, armour, crash helmet, typology, chronology.